

18+

Борис Штейман

Смешные люди

Повесть и рассказы

Борис Штейман
Смешные люди.
Повесть и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72175027

ISBN 9785006744028

Аннотация

Тесно переплетаются реальное и фантастическое в повести «Путешествие для одного», написанной в игровой манере. Главный герой, начинающий писатель Филимон, мечтает исколесить всю Россию в качестве сопровождающего почтового вагона. Эта идея привлекает различных колоритных персонажей. Автор сочувствует героям своих рассказов, «смешным людям», которым порой так трудно даётся общение. Постепенно меняется тональность историй, и реальность уступает место фантазмагии и абсурду.

Содержание

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛЯ ОДНОГО	5
Филимон	5
Работа как работа. Про неуловимого зайца	29
Дорожные страсти. Дома у Григория Ивановича	36
Никита Романович едет за границу	47
Совершенно неправдоподобная мебельная история	52
Клава	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Смешные люди

Повесть и рассказы

Борис Штейман

© Борис Штейман, 2025

ISBN 978-5-0067-4402-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛЯ ОДНОГО

повесть

Филимон

Филимон спит, уткнув лицо в подушку. Точнее, балансирует на тонкой грани между сном и воспоминаниями. Кажется, не будет конца этой раздвоенности...

Старинный парк. Центральная усадьба. Прокрадывается синева в прозрачный воздух, и он густеет. Филимон плывёт по небольшому каналу. Кое-где ряска, опавшие листья. Лицо опущено в тёмную воду. Она ни тепла, ни холодна. И не нужно дышать. Удивительно и радостно от этого. Он пытается разглядеть причудливые очертания и наплывы на песчаном дне. В этих плавных линиях, созданных неторопливым течением, есть какой-то важный смысл. Одна сменяется другой, похожей, но уже неуловимо отличающейся от предыдущей. И вот от первой не осталось и следа. Филимон поднимает голову. Во дворце горят все окна. Взлетают, прочерчивая вечерний небосклон, красные, зелёные, жёлтые петарды, рассыпаясь в конце пути мелкими звёздочками. Фейерверк. Пахнет порохом. К озеру стекаются женщины в роскошных платьях с шуршащими кринолинами. Их сопровож-

дают элегантные мужчины в париках, камзолах и белых чулках. «Прелестные, должно быть, женщины», – думает Филимон. Скрипит меж деревьев карета. Кричит зычно лакей:

– Иван! Слышь? Иван! Дёгтем бы? А?

– Да будя тебе! – отмахивается другой.

– Ну, Иван! Ну скрыпят же, мочи нет!

– А ты и не моги! Раз нету! – хохочет тот в ответ. – Ишь, Манька, стерва! Как идёт! Аж гуляет вся! – Мотает головой в сторону ядрёной девки в сарафане.

Они громко ржут, и один из них, подхватив самовар, быстро бежит к дому. «Кино», – вяло констатирует Филимон. Опускает голову и шлёпает неловко по воде руками. Нарочито. Ведь он пловец неплохой. Целый год отходил в бассейн. Во втором классе. Бабушка водила. Главное, после душа хорошенько просушить полотенцем волосы, а уже перед выходом на голову – платок, а сверху шерстяную шапочку, чтоб не простыл. Прямо стыдно было перед ребятами. Зато не болел. Остальные же вечно фыркали носом и чихали. А Филимону хоть бы что. Да к тому же у него не было аденоидов. Удалили. А до этого бледный ходил, то насморк, то горло болело. Бабушке страшно обидно было, когда незнакомые люди, прохожие или в очереди пристанут бестактно: «Какой худенький мальчик! Бледненький. Вы его, наверно, не кормите?» Филимоше смешно, а бабушке огорчительно. И котлетки, и супчики, и курятина. Просто не в коня корм. И всё время с носоглоткой мучение. Наконец проконсульти-

ровались у одного замечательного отоларинголога. Надо удалять, и никаких гвоздей! А то и сердце можно загубить через аденоиды... Повезли Филеньку. Кажется, зимой дело было. Да, точно, зимой. Потому что удалять лучше, когда холодно. Кровь быстрее застывает. Смутно всё, давно ведь дело было. Много воды с тех пор утекло. Уж никого и не осталось из тех, кто его любил. Только в памяти зарубка... Коридор. Около двери стулья. На них напряжённо застыли родители. Зашёлся очередной пациентик нечеловеческим воплем. Сжалось у ожидающих сердце. Храбрится отец, дрожит сердечко у Филимоши, а мама сама готова идти удалять аденоиды, только бы Филеньку освободить от таких страданий. Таёт конец коридора во мгле, блестят дверь, вымазанная белой масляной краской, да латунная ручка – центр мироздания. «Выйдешь – и сразу две порции мороженого! – бодрится папа. – Только зайдёшь, я и побегу!» Нет уже давно ни здания этого, ни поликлиники, ни врача – известного специалиста. Когда кто-то маленький, обязательно кто-то старенький. И разбегаются они в разные стороны, всё дальше и дальше... Заходит Филимон, не подаёт вида, что страшно невероятно, а тут и тазик, как специально, небольшой, с кровью, на табуретке, ну не совсем с кровью, а так, кровь с водицей на три четверти. Но удар по нервам приличный. А специалистам не до этого, им важно дело чётко сделать, без осложнений. Замерло всё внутри у Филимоши. «Как самочувствие, молодой человек?» – вопрошает врач с круглым зеркальцем

на лбу. «Ничего», – выдавливая, озираясь, юный пациент. «Тогда пожалуйста сюда!» И уже сидит он в креслице. А там быстро ручки-ножки прихватываются браслетиками, чтобы не брыкался и не мешал. И это уже и вовсе чудовишно... А потом бы заорать что есть мочи, да воздуха нет. Застревают рыдания в горле. А уже всё и кончено! «Ну, ты, братец, настоящий герой!» – напутствует старичок-доктор. И медсестрица тоже вторит: «Ну, чисто герой!» А там уже и мороженое наготове, и теряется все снова во мгле, в бесконечных коридорах... Только бабушка измученная ждёт дома, ей просто не по силам такое, поэтому и дома осталась...

Тёмная вода. Ни тепла, ни холодна. Где-то булькнула рыба. И пузырь лопнул, дойдя до поверхности. Дал несколько слабых кругов. Дерево наклонилось, полощет кончики пальцев...

Бежит Филимон домой из школы. Мешочек для обуви с пришитым квадратиком белой ткани хлопает по портфелю. А на квадратике чернильным карандашом аккуратно выведено: 1 «В». Останавливается Филимоша и начинает крутиться, портфель вытягивает руку и стремится сорваться с орбиты. А может быть, это портфель его крутит?.. Нет полной ясности в этом вопросе...

Снова белый квадратик, но теперь бумажный. Наклейка на чемодане. А на ней крупно, чётко: фамилия. Первый и последний раз он едет в пионерский лагерь. Утром с трудом встал. На душе тоскливо, слегка мутит. А вокруг веселье,

все в радостном возбуждении. Ребятишки шумят. Родители дают последние напутствия своим чадам. Вожатые проводят перекличку...

Пробыл в лагере три дня. Сразу стала накатывать тошнота. На всю жизнь запомнился жуткий клозет. «От тоски», – думал Филимон. Наконец его вырвало. А в столовой шум, гам, пионеры уплетают котлеты с макаронами... Оказалось, корь. Облегчение наступило в чистом медицинском изоляторе. Лица наплывают пятнами. Заботливые, всполошённые женщины в белых халатах. Надо срочно увозить ребёнка! Иначе весь лагерь охватит опасная инфекция!

Утром с трудом отыскали машину – «Победу». Врачиха, Филимон, шофер, приятельница шофера и какой-то дядька солидный с портфелем. Напросился, мол, срочно нужно в город. С трудом разместились. Поехали. Дядька начинает расспрашивать, кто да что, да по какой надобности. И вдруг как обухом по голове: корь! Как корь?! И уже запаниковал не на шутку:

– Давайте срочно пересядем! Я, кажется, не болел корью. Да, точно не болел! – А внутри: «Караул! Спасайся кто может!» – Вы понимаете? Или нет? Товарищ! Остановите машину! Кому говорят!

– А я не могу в середине! – неожиданно заартачилась врачиха. – Меня укачивает! Мне надо в открытое окно дышать! Филимоша в лёгком забытии. Ему всё равно. Температура немалая. Мелькает быстро за окошком щербатое шоссе.

Дядька жжался, запихивает платок в рот, пытается преградить путь бациллам.

– Что вы меня притискиваете? Дышать нечем! – недовольно ворчит врачиха на дядьку.

– Как вы думаете, корь опасна? В моём возрасте? – опять паникует дядька.

Сумрак лестницы родного дома. Высокая двухстворчатая дверь с фанерным ящиком для почты. Покрашено всё коричневой масляной краской. Слышны беззаботные звуки пианино. «Бабушка играет Шопена... – думает Филимоша. – Наконец-то я дома...»

Он встаёт. Приоткрывая один глаз, бредёт, шаркая тапочками по паркету, на кухню. Чиркает спичкой, ставит чайник на плиту, садится на круглый красный табурет. И снова закрывает глаз. «Пиф!» – шипит чайник...

Здание школы, постройка начала века. Скорее, конца прошлого. Бывшая гимназия. Два входа-выхода, флигелёчки, потаённые лестницы, чёрный ход, библиотека, а на самом верху спортзал. Плюхаются маты, стучит громко мяч. Дом, полный призраков. Выглядывают они из-за углов, поскрипывают двери. Поклоняются фигурки забытым кумирам, складывают свои легенды и мифы... Заперли в туалете директора! Не может быть! Да точно. Сам видел! Ну и дела... Сильные мужчины, отчаянные головы, десятиклассники! Завуч Уюмов, красавец-брюнет, обнимал географичку. Весьма непривлекательную даму с большой грудью. Стран-

но. Неужели не мог найти получше? Нет, это точно, сам видел. А вечером вообще почти везде гасят свет. Горит на этаже одна лампочка, ну, может, две, не больше. Кружки, химические, физические – предлог для незаконных действий. Поцелуи, прикосновения. Бегут мурашки по телу, и темнеет в глазах. Неужели было только что? А Уюмов засёк в туалете курильщиков! И второгодник Бочка ему головой в живот. И бежать, скрываться, ... Раздевалка за толстенной бронированной дверкой. На лестнице шеренга дежурных с красными повязками. Во главе – преподаватель. Его зоркий взгляд шарит по вестибюлю. Кто опоздал на зарядку, быстро сдать дневники! Кому говорят! Надо успеть спрятаться в раздевалке, между мокрых вонючих пальтишек. Переждать. А как снимут оцепление, бежать сломя голову в класс, успевая протиснуться в небольшую временную щёлку до прихода учителя...

Вечера встреч бывших выпускников. Лестница с отполированными дубовыми перилами на чугунном фигурном литье. Охи, ахи, смех, слёзы, радость, грусть. Перемешано, заварено, крепчайший обжигающий чай! Собираются, только чтобы убедить неизвестно кого, что всё действительно было. Тут уже все средства хороши. Даже лист для регистрации выпускников 1903 года. Смешные уловки! Не находится ни одного древнего старичка в пенсне. На секунду щемит внутри. Как неожиданная потеря дна при купании... Хотя их вполне устрают и призраки. Все способы хороши. Мерк-

нет световой лабиринт. Идёт Филимон по длинному огромному коридору. А она поднимается по лестнице, замедляя шаг, роняя любовную записку... Волнуется плоть...

Сталкивается Филимон с черноволосой девочкой-девушкой в школьном буфете-ристалище. С горками винегрета и резиновыми пятикопеечными пирожками с повидлом, которые аппетитно вязнут на блестящих жадных зубах. Намагниченными глазами смотрят друг на друга, заново узнавая, прижатые друг к другу воющей голодной толпой. И не в силах оторваться, но растаскиваются нетерпеливыми сверстниками. Робок, застенчив Филимон. Неужели он может понравиться этой божественной девочке? Да нет, тут какая-то ошибка! И пропущен важный, отчаянно важный момент!.. А девочка не робка, но не может же, в конце концов, первой броситься на шею. Это неприлично. Пылают щёки от такого предположения и потеют ладони. «Ну дурак! Ну действительно, какой же дурак!» Возможно, и дожили бы до глубокой старости, и не было бы ненужной возни и блужданий... Но, по правде говоря, вряд ли. Романтично, конечно. Привлекательно. Даже гениально по-своему, но, к сожалению, одни пустые фантазии. Ну а вдруг? Никаких вдруг! Просто меняют родители девочки квартиру. То ли разводятся, то ли съезжаются с престарелыми родственниками. Кто их разберёт? У них вечно что-нибудь. Но Филимон долго не грустит, другие ничуть не хуже, а есть даже лучше. Ну, право, дурачок! Это же надо! Да и девочке нравятся другие. И крепче,

и выше, и красивее, а главное – храбрее. Не такие нерешительные нюни. Но, тем не менее, расспросила у подружек про него, а те всё всегда знают и подмечают: «А ты ведь влюби-лась!» И уже краснеют почему-то щёки, но гордо в ответ: «Ну, вот ещё! – и сразу с вызовом: – А если и так! Вам что, завидно?» Конечно, завидно, очень завидно, что прямо заплакать хочется. Только и узнала, и что свалилось в самые дальние закоулки памяти, так это имя. Странное довольно-таки и немного смешное. Филимон. Действительно, специально и не придумаетшь, даже если захочешь. Изредка, потом, когда вдруг тоска навалится: ведь жизнь прошла... Ну, не совсем ещё прошла, а проходит потихонечку. И ничего такого настоящего-то ведь и не было. И закричать хочется: «Загубили-и!» Вдруг вспомнится этакий школьный призрак. И то не сам, а имя. Чудное. И вызовет какое-то щемящее чувство и улыбку сожаления, направленную только самой себе...

А Филимон-то как страдал от своего имени! Ну, за это спасибо родителям надо сказать, а точнее отцу. У них истари заведено в роду сына в честь деда называть. Так что все деды через одного Филимоны. Сохранился у него портрет прапрадеда. Тоже Филимона. Серьёзный довольно-таки старик. С голубыми слезящимися глазами. Лысый. Но вида всё равно очень твёрдого и решительного, несмотря на возраст. Филимон иногда доставал из-за шкафа его портрет, стирал пыль, разглядывал, воображал чужую прошлую, дав-

ным-давно ушедшую жизнь, но связанную с ним через век странным образом, родством. И набирался определённой душевной крепости от общения с предком. Уж больно тот был спокоен и уверен. Может быть, знал что-то важное? Филимон подмигивал ему заговорщицки и снова прятал за шкаф.

В школе у всех были прозвища, обычно по фамилии или другим примечательным качествам. Скажем, Мыльников был просто Мыло, а Плаксину прозвали Плаксой. Тоже не обрадуешься! А Филимон – Чек. По фамилии. Это уже потом, в зрелые годы, имя ему стало нравиться. Не затасканное. Да и в старших классах уже ничего. Звали Филом, на иностранный манер. Тоже неплохо. «Хелло, Фил! Как дела, старичок?»

Тщедушен был от природы Филимон. Ручки, ножки тоненькие, грудь цыплячья. До революции непременно бы от чахотки сгорел. А тут стал истязать себя ежедневно гантелями, обтираниями и постепенно окреп. Хотя сохранил врождённую хрупкость, которой по привычке пытались пользоваться хулиганы, но уже с меньшим успехом. Практиковалось тогда, да и сейчас, кажется, бытует такой околошкольный пережиток: соберётся эдакая компашка детишек из неблагополучных семей, а часто и из вполне благополучных, и начинают вымогать у остальных по пятнадцать-двадцать копеек. Уж дайте, не откажите в любезности! Обычно около школы поджидали. Если не дать, то потом вечером в подворотне подкараулят, и уж тогда несдобровать. Поэто-

му хоть и унизительно, но тянешь потную ручонку с двугривенным. Злодейство, конечно, небольшое, но разврату в нём предостаточно и для хулиганов, и для потерпевших. Долго дрейфили Филимон и его приятели, но, наконец, собрались духом. А была среди лихих мздоимцев одна особенно гнусная личность, ненавидевшая всех в очках и шляпах. Он не только отбирал беспощадно медяки, но и непременно унижал, пугая чудовищным кастетом.

Надвинулась наглая прокуренная морда, прищурилась, ослабилась, демонстрируя гнилые зубы, и шлёпнула по щеке несильно. Мол, предупреждение не валять дурака и исполнять исправно свой вассальный долг. Ну, тут уж у любого терпение лопнет! Кроме, конечно, заядлых трусов. Потемнело у Филимона в глазах. Метнулось бешенство, заслонило белый свет, и обрушилось возмездие на наглецов. Отчаянная завязалась драка. Отступать некуда. Нельзя! Только хуже будет. Потом ещё было несколько кровопролитных схваток. После чего установился нейтралитет. Мы вас не трогаем, а вы нам не мешаете. И стали собирать подати у остальных покорных. Ну, это уже их дело, решили Филимон с ребятами. Но гордость и в то же время неудовлетворённость поселились внутри надолго...

Любят все Филимона. И мама с папой, и бабушка. Но особенно, наверно, больше всех бабушка. Буквально души в нём не чаёт. Хочется ей всё передать внуку. И французскому его пытается учить, и на пианино. Сама три языка знает, да ещё

вдобавок консерваторию закончила в стародавние времена. Но и Филя отвечает тем же. Да и учится прекрасно. Впитывает всё, хочет узнать, запомнить, проникнуть в суть. Придёт после школы, отдохнёт, разложит ровненько учебники на диване, а сверху тетрадки. И начнёт по порядку щёлкать. Выучил. И в сторону. Долой! Биология, зоология, пресмыкающиеся, моллюски, диковинные рыбы... Всё хочет переварить Филя и идти дальше, вглубь. Электроны, атомы, а с другой стороны – история. Империи, восстания, войны, революции... Внезапно интерес к школьной науке угасает, сменяясь разочарованием. Нет конечного результата! Нет истины... По-прежнему пятёрки, а чего их не получать, если пара пустяков. Теперь книги, особенно художественная литература, начинают манить всё сильнее. Это невероятно увлекательно. Заставлять читать не нужно. Только книги, книги. Запой!

А вот по литературе проблемы. Как сочинение, так мучения адские. Что писать – непонятно! Такой-то – типичный представитель того-то. И неясно, хоть убей! Как его извлечь из книжной жизни и найти нужные черты. Маета! Особенно домашние сочинения. Тянет до последнего Филимон. И, наконец, к бабушке: «Ба! Напиши. А?» Сердится та для вида, а сама довольна. Прекрасно знает литературу. Пушкина так просто обожает. Садится и что-нибудь играючи, больше всего любит на вольную тему. Легко, без напряжения. Ну, теперь быстренько за дело. Переписать – и гора с плеч. Да

ты хоть посмотри сначала! Всё отлично, чудно! Чмок в щеку и быстро, в два приёма перекачивает. А потом снова за книгу или пойти гулять. Звонят приятели школьные. Надо обсуждать мировые проблемы, а за сочинение пятёрка гарантирована...

А чайник уже вовсю шипит, разбрызгивает мельчайшие капельки воды. Вот-вот запрыгает крышка и вырвется из носика белая струя пара...

Иногда навещается в гости Никита. Он старше Филимона почти на десять лет. Его отец приходился двоюродным братом Филимонову. Обязательно кормят Никиту сытным обедом. Да ещё что-нибудь вкусное сунут на дорожку. Он взрослый рабочий человек. Слесарь! А раньше был учеником слесаря. У него грязь уже въелась под ногти. Он работает на заводе. Вдруг приносит в подарок духовое ружьё и пульки. С премии. Закрываются они с Филей в комнатухе. Хоть и крошечная, и стена одна ненастоящая. Сначала занавеска висела, а уже потом соорудили из досок и обклеили обоями. Но всё равно почему-то до потолка не достаёт. Да ладно, неважно. Достаёт, не достаёт. Главное – своя. И на двери крючок. Вот это важно. Руки чешутся опробовать ружьишко. Суется, что бы приспособить под мишень? В итоге поставили на шкаф у стены старого деревянного орла с обломанным крылом. Южный сувенир. Сами сели на диван напротив и давай в него стрелять. Хоть и близко, но всё равно здорово. Летят пульки в орла, а тому хоть бы что! Наконец

зарябило в глазах. Бросили ружьё и развернули огромную карту.

– Слушай, как это так? Нас двести миллионов человек! И это только в нашей стране! А всего, кажется, два миллиарда! А? – как какую-то чрезвычайную новость сообщает Филя. – Не укладывается в голове!

– Подожди. Не горячись! Давай по порядку, – спокойно рассуждает Никита. – Скажем, нас с тобой двое. У нас в цеху триста...

– Триста – это ерунда! – перебивает разгорячённо Филя. – А вот двести миллионов! И ты всего лишь крошечная единичка! Понимаешь или нет? Ну, двоечка! Это мы с тобой!

– Опять перебиваешь! На заводе у нас пять тысяч человек. Идёшь утром. Сплошной поток! Ты только вникни!

– Ты опять не про то! С заводом всё ясно! А здесь миллион! Представь себе!

Задумывается Никита:

– Да, миллион – это трудно! Ладно, чёрт с ним! А то голову сломать можно!

– Нет, ты постой! Я вот тут как-то взял ватман и поставил на нём пятьдесят тысяч точек. Два дня угробил. Так то точки... Ну, можно, конечно, на самолёте подняться и вниз глядеть... Но ведь не получится, нет! Слишком велико расстояние... Ни черта не различишь! – Задумчиво ведёт Филя пальцем по карте.

– Ты скоро рехнёшься. Как пить дать! – резонно возража-

ет ему Никита. – Помяни моё слово! Надо бы тебе на наш завод! Эх, шикарно бы было! Да родичи тебя не пустят. И малы. Даже в ученики не возьмут.

– А выход всё-таки есть! – загадочно произносит Филя и делает драматическую паузу. – Обрати внимание на эти тонкие красные линии. Это железные дороги! Доходит?

– Ну, ясен пень! Железные дороги. Ну и что с того? – не понимает Никита.

– А вот что! – торжественно объясняет Филимон. – Надо проехать по ним по всем! Сто сорок тысяч километров! Я в справочнике посмотрел. И всё увидишь! Разумеется, всех не встретишь. Кто дома, кто на работе. Ну, в больнице там или ещё где. И не все вдоль дороги живут. Это всё понятно. Но повидашь. Дай бог!

От таких бестолковых разговоров у Никиты слегка кружилась голова. Ему хотелось поведать Филе о настоящем деле. Как они все разом выходят курить и говорят о разных стоящих вещах. А потом снова за дело. И хотя у Лёшки тисочки получаются лучше, он сам тоже пилит будь здоров! Да и мастер сказал: «Башка у тебя, Никитка, что надо. Я не я! Если из тебя настоящий работяга не получится!» Так и сказал! А вообще, конечно, отлично бы отправиться вот в такое путешествие. И ещё Галину прихватить с собой, из сборочного... Не пропади отец без вести, и он был бы такой же барчук, как Филя. И не клепал бы эти дурацкие крючки.

Филимон же думает, что Никита ни черта не понимает.

Но он настоящий друг. И с ним было бы надёжно. Одной рукой держит ружьё.

Соседка Роза Михайловна копошится на кухне. У своего столика. Филимон выключает газ. Вскипел чайник.

– Нет, Филенька. Звездой первой величины я так и не стала. Хотя много работала. Много. Сейчас публика уже знает, сколько труда и пота! Да-да, мой милый! Пота. Чтобы быть лёгкой, красивой, изящной! Мне кажется, зря публику посвящают в закулисную сторону жизни...

«Неужели эта грузная старуха, та юная хрупкая бабочка-балерина, вызывавшая слёзы восторга? – недоумевает Филимон. – А может быть, что и так... Разные фазы: сначала куколка, потом бабочка, а теперь вот соседка-старушка... Только так! Чтобы вызвать трепет перед всемогущим временем. Неумолимым и насмешливым».

– По-моему, наоборот. Публика должна знать: прекрасное рождается из мучений, страданий, слёз. В этом есть определённая закономерность, – из вежливости тихо отвечает Филимон.

– Нет, Филенька. Не надо. Публика должна боготворить артиста. Для них это сказочное существо. А тут никакой тайны. Ещё покажут по телевизору, что ела на обед да сколько у неё детей. Я, разумеется, не про себя. У меня не сложилось... Как я горевала в своё время! Пришлось бросить сцену. Время было такое, да и первый муж был против. Он тогда

занимал крупный пост... Нет, нет! Ни горьких сожалений, ничего.

– Всё померкло в дымке лет. Ну а всё-таки? Неужели не жаль?

– Представь себе, нет. С возрастом многое понимаешь иначе. Возьми к чаю печенье. Довольно-таки вкусное получилось.

– Ну, вы прекрасно выглядите. – Страшно надоел Филимону разговор. Да и идти пора.

– Да, я знаю. Для своих лет надо добавить, – засмеялась Роза Михайловна. – А потом работала в министерстве. Конечно, не сцена. А может, и к лучшему... Кто знает...

Сопягин – опытный сотрудник. Не подведёт. Понимает, работа у него ответственная, как... ну, скажем, как у хирурга. С малых лет на дороге. Начинал проводником, заметили, назначили бригадиром. Теперь вот инспектор по кадрам. Должен видеть за анкетой человека. На то они и поставлены здесь. Можно сказать, санитары дороги. А ведь ситуация непростая. С одной стороны, не пропустить пьяницу, прогульщика или, скажем, хулигана. Потом будут донимать из вытрезвителей да судов. А начальство сразу: «Кто взял?» Поднимут учётный листок. Он, Сопягин... С другой стороны, острая нехватка кадров! Приходится брать всякий элемент. Вот тут-то и не оплошай! Прояви и гибкость, и твёрдость. Много думает обо всём этом Сопягин и иногда сове-

туется с начальством. Сидят они оба, опытнейшие работники, курят, ломают голову, пьют крепчайший чай и говорят озабоченно друг другу: «Да, брат Петрович, дела...» Потому что они оба Петровичи, да и дела у них непустяковые. Дорога – это тебе не шутки! Объект важности чрезвычайной. Объяснять не надо!

Вот и сейчас. Пожалуйста! Хочет, понимаешь, ехать, сопровождать почтовые вагоны. Внимательно листает Сопягин паспорт Филимона. Изучает анкету. Переспрашивает:

– Значит, получается, вы хотите сопровождающим почтовых вагонов? Так?

– Я уже вам говорил, – начинает терять терпение Филимон. Рассматривает для успокоения плакаты, призывающие к осторожности. Особенно когда под стрелой или на шпалах без спецодежды.

– Говорил-то, говорил, – хитро щурится Сопягин и приглаживает прямые волосы, аккуратно зачёсанные назад. – А вот и непонятно, дорогой товарищ, – заглядывает в анкету, – Чекин. Русский. Образование высшее. Вот и образование высшее... А вот и непонятно, что вас, человека с образованием, привело к нам. Нам ведь и инженеры требуются. И оклад неплохой можем предложить. Сто сорок. Плюс премиальные. До двадцати пяти процентов набегает. А можно и в вычислительный центр! Каково предложеньице? А?

– Я же говорю, меня интересует сопровождающим вагонов! – Барабанит Филимон пальцами по столу.

– Да вы не волнуйтесь, товарищ Чекин! Разберёмся! – успокаивает его Сопягин.

– Я не волнуюсь. Но вы меня маринуете уже битый час!

– А не собрались ли вы случаем, Филимон Александрович, совершить большое ограбление почтового поезда? А? Филимон Александрович? – смеётся Сопягин. – Читали, наверно, о происшествии на Британских островах? – И снова углубляясь в паспорт и анкету, тихо бормочет: – Так вот у нас этот фокус не пройдёт... И не думайте...

Обычно-то Сопягин только притворяется, что сомневается. Ему достаточно один раз взглянуть на человека, чтобы всё про него узнать, и готово. Как сфотографировал. А вот сейчас... Вспоминает Сопягин про одну статейку, как-то в газете напал, очень его поразившую и заинтересовавшую профессионально. Человек, кажется, армянской нации, обнаружил, что может понимать чужие мысли. Кто что думает. И вообще. Просто настоящий феномен! Сначала стал выступать на эстраде, а в конце концов пошёл в юридическую степь. Понятно, в угрозыске оно поважней будет. «Но ведь и у нас дело нешуточное. Вот такого бы сотрудничка к нам в аппарат, – размечтался незаметно для себя Сопягин. – Особенно когда исключительно трудный случай. Как сейчас. Снял бы, скажем, трубочку, набрал номер: „Так и так! Нужна консультация!“ И не надо было бы ломать голову».

– Вы, часом, не злоупотребляете? – выразительно щёлкает он себя по горлу, тянет время. Авось и разрешится всё

само собой. Улыбается открыто, мол, кто не без греха. – Мы с ребятами бывает. Когда футбол там или хоккей, а иногда и просто. – Ну-ну, мол, не стесняйся, выкладывай по-своему.

Хотел было объяснить Филимон, что крайне редко. Ну, с друзьями иногда. Но понимает, что только один вред будет. И цедит хмуро:

– Не больше других.

– Ну, это значит, не больше полведра за раз? А? – хохочет добродушно Сопягин, а сам думает: «Нет, не похоже. По лицу видно, что не злоупотребляет». – Ну а всё-таки, что привлекло вас в нашей работе? Если начистоту?

– Ну, если начистоту... – Филимон делает вид, будто готов признаться во всех смертных грехах. – То удобно очень! Не надо вставать ни свет ни заря, – прищуривается он. – А то перевели институт на семь тридцать. Вот и бегай спозаранку! А я, понимаете, сова!

«Придуривается, паразит, – думает Сопягин. Нравится ему чем-то этот парень, но нельзя поддаваться эмоциям. Нельзя! Сова... Нет, брат. Ты, похоже, настоящий волк! Вот только не раскушу я тебя никак. Ну да ничего! Разберёмся!»

– А сколько отгулов накопится к отпуску! – продолжает Филимон. – В дороге ж без выходных.

– Это верно, – разочарованно вздыхает Сопягин. – Но и у нас дисциплина. Не слабее, чем у вас на ящике... Правда, у нас перспектив-то особых нет. А вы человек мо-

лодой. Не будете же весь век по дороге мотаться!

– Не буду, – заканчивает разговор Филимон. – Значит, я так понимаю, не берёте. Ну и ладно, тогда пока! – И хочет забрать документы.

– Э нет, дорогой Филимон Александрович! – снова добродушно улыбается Сопягин и придвигает к себе его документы. – Этого я вам не говорил. А горячиться не надо! Если мы все начнём горячиться, это что же тогда будет? А? А у нас до-ро-га! – Он поднимает указательный палец. – Это понимать надо! У нас погорячишься и спокойно сделаешь аварию! А это, товарищ Чекин, сотни, а то и тысячи человеческих жизней! И рублей! Надеюсь, разъяснить не надо?

– Не надо, – соглашается Филимон. – Значит, всё-таки берёте?

– Вот ведь какое дело! У вас образование высшее. Проработали шесть лет в хорошем НИИ... Может, натворили что и к нам? Уехал, а там ищи ветра в поле! А? – И видя, что перегнул, Сопягин сухо заканчивает: – Это я, конечно, шу-чу. А вы, как человек интеллигентный, шутку обязаны понимать.

– Обязан, – устало говорит Филимон. Он начинает потихоньку обалдевать от происходящего и уже плохо соображает, зачем же действительно сюда пришёл.

– Я, кажется, ошибся адресом. Прошу меня извинить... – бормочет он – Давайте-ка мой паспорт и оревуар. Как говорится, до лучших времён.

– Люди нам, разумеется, нужны. Способные люди. Со знанием языка особенно. О, как нужны! – Сопягин прикладывает ребро ладони к горлу. – Позарез! Но не могу же я оформить вас, человека с высшим образованием, сопровождающим! Вот что! – Ему вдруг приходит в голову поразительно мудрое решение. – Поработайте-ка вы сначала ревизором на пригородных линиях! А? Мы к вам присмотримся, вы к нам. А там видно будет.

– Ревизором? – переспрашивает Филимон и задумчиво заканчивает: – К нам едет ревизор...

– Вот-вот! – довольно поддерживает Сопягин. – Чувствую, сработаемся мы с вами, непременно сработаемся!

– Огромное вам спасибо! Весьма признателен. Польщён, весьма польщён! – Филимон забирает паспорт. – Но надо подумать. Как это у немцев? Надо много, много денкен. – И, покачиваясь, выходит на улицу.

– Подумайте, – кричит ему вдогонку Сопягин. Он доволен собой. И как неожиданно просто удалось разрешить эту неприятную головоломку!

Он откидывается в кресле и размышляет: «Как хорошо, если бы побольше такого народу шло на дорогу. Работы всем хватит! Конечно, имеется своя специфика. И, что греха таить, непростая, но сработаться можно. Ох, как можно!»

А Филимон дышит глубоко, стоя на крыльце деревянного дома, куда временно переселили из-за ремонта отдел кадров. Всё как-то зыбко, нереально вокруг. Вдруг видит женщину

удивительного сложения. Лицо её полно мрачной энергии, глаза излучают дикую силу. Она движется, ни на кого не глядя. За ней ватага каких-то людей. Она предводитель, настоящий атаман. «Грёзы...» – думает Филимон, ошалело провожая её взглядом. Потирает подбородок, что всегда делает в минуты принятия важных решений. И возвращается к Сопягину.

– Кто это? – показывает в окно на удаляющуюся группу.

Сопягин прижимает лицо к стеклу, плющит нос и радостно восклицает:

– Так это ж наша Клава! Знатный труженик производства! Передовица! Все бы так работали! Но несдержанна. Режет правду-матку... Когда надо... и не надо. Временно бросили на прорыв. Возглавила бригаду ревизоров. Есть, есть чему поучиться! Ну как? По рукам?

– Согласен, – отвечает Филимон.

А Сопягин кряхтит, шевелит плечами от избытка сил. Тесно, тесно ему в этом закутке. Насколько всё же интересней работать вот с такими людьми! Тут вполсилы не получится! Не выйдет! Радостным предчувствием наполняется его душа. Хочется раскрыть окно, пустить в кабинет свежий воздух, разогнать застоявшуюся кровь на живом деле. «Эхма!» – хлопает Сопягин кулаком по столу. Подскакивают папки с бумагами, красиво заточенные карандаши, фломастеры, шариковые ручки и скрепки.

Вечером на кухне. Соседка Роза Михайловна, переворачивая оладьи на шипящей сковородке:

– Я тебя люблю, Филенька. Знаю с детства... Только поэтому считаю себя вправе... Тем более родители твои... Сейчас чудачества, игра, а потом? Молодость пройдёт, ваши сверстники достигнут определённого положения. А вы? Какое всё же отвратительное масло! А вы останетесь у разбитого корыта. В пятьдесят лет уже нельзя будет играть в железную дорогу...

«Пятьдесят? Очень, очень близко и одновременно далеко!» – не обращает ни малейшего внимания Филимон на эту мудрую сострадательную болтовню. Но настроение всё равно почему-то портится, и он думает: «Нельзя откровенничать с соседями... даже из жалости к одинокой старости...» Он прячется к себе в комнату и выходит на балкон: «Как сильно изъеден тёмный бархат... Всё моль проклятая... Небосклон и тот не пощадила. Зато сквозь мелкие дырки виден сверкающий мир... Надо бы записать. Может пригодиться...»

Работа как работа. Про неуловимого зайца

Душа Клавы заскоружла в борьбе со всякими нарушениями. Но равнодушного отношения к делу она выдержать не смогла, сорвалась и нахамила крупному начальству. Но, учитывая прежние заслуги, её лишь на три месяца перевели на зайцев да сняли портрет с доски почёта. Это Клаву изрядно огорчило, ведь она там выглядела очень даже неплохо. И многие мужики обращали на неё внимание.

Как любую работу, она и эту делала чётко, добросовестно, с огоньком. Вот и сейчас с двумя пенсионерами-общественниками, ветеранами железной дороги, она гнала по вагонам безбилетников. Те пробовали давить на жалость и совать просроченные сезонки, вызывая у Клавы лишь законное презрение. Набедокурил, умей ответить! Да ещё с ними был этот, странный такой, новенький. «Стажёр, – окрестила она его. – Ну ничего. Пусть поучится, студентик! Это тебе не шпаргалки писать. Школа жизни. Проверка на твёрдость».

Стажёр, по всей видимости, стеснялся. То усядется на скамейку, делая вид, что он здесь человек посторонний и оказался по простой случайности. То забежит вперёд и с равнодушным видом прохаживается вдоль вагона, теребя фуражку. «Вот и работай с такими хлюпиками! Делай план!» –

в раздражении горячилась Клава. Но всё же что-то смущало её, а что – непонятно. От этого она ещё больше злилась. И вообще, эта работа была не для неё. Негде выложиться. Ни рекорда, ничего. А её прямо тяготила страшная энергия, бродившая где-то внутри и которую все время приходилось сдерживать. «Как бы глупостей не наделать!» – мелькали опасения, и она краснела, косясь на стажёра. Старички-ветераны принимали это на свой счёт и успокаивали её: «Всё в порядке, Клавушка! Не волнуйся! Доставим голубчиков в лучшем виде. Не сомневайся!» Клава только рукой махала: «Разве вам, старым пердунам, понять женскую душу?» И ещё больше суровела лицом и думала про Пашу. Вернее, старалась думать, какой он умный, хозяйственный, а готовит – пальчики оближешь! Редкий мужик. Не зря ей все бабы завидуют. Интересно, почему ей так повезло?.. Вот только детей нет. Прямо настоящая беда. Ни она, ни Пашка на здоровье, тьфу-тьфу, не жаловались, а детей нет. Может, бог за что наказал? А родись маленький, было бы настоящее счастье... Но почему-то в её размышления вклинивался этот новенький. И она сердилась на себя за это. Просто позор какой-то! Пыталась гнать нелепые мысли. А в результате вспомнила, как первый раз увидела стажёра на ступеньках отдела кадров и вдруг обомлела неизвестно отчего. И сладко-тревожное, и стыдное возникло внутри. «Сорок уже на носу, а он мальчик совсем ещё... юный... Ну, дура старая, совсем с ума сошла!» – одёрнула себя тогда. Уже по-

сле, приглядевшись, поняла: не такой уж и юный. Под тридцать, небось. Просто фигурка тоненькая... Всё равно одно слово – студентик! И совсем не в её вкусе, хлипкий, настоящий цыплёнок, да и только... Попыталась уговорить себя похорошему, а вместо этого поправилась: не хлипкий, а хрупкий. И глаза... Какие – не смогла объяснить. Ну, в кино иногда такие показывают... Неожиданно представила, как он её обнимает и жадно ласкает. И снова, покраснев пуще прежнего, ещё больше рассердилась на себя за такие пакостные видения, замешкалась. И один ловкий заяц, опытный русак, обхитрил гончих, затаился, приняв вид безобидного столбика-бугорка. А потом загримасничал уже на перроне, показывая «нос» в мутное стекло отходящего вагона.

Филимон немного отстал от своих и, воспользовавшись моментом, юркнул обратно в вагон, который уже проверили. Сел на свободное место, снял фуражку, отёр пот со лба и расслабился: «С непривычки суетно как-то...»

– Я вижу, вы в этом деле новичок, – обратился к нему приятного вида мужчина средних лет.

Филимон нехотя кивнул.

– Вам будет небезынтересно узнать эту историю, – продолжил мужчина. – Даже чисто профессионально, не говоря уже о прочем. Вы уж извините, что так сразу. Но нет времени на предисловия. Скоро выходить. Так вот, я встретил его в Коктебеле, на пляже. Давно это было. Он обращал на себя внимание. Жара. Все раздеты, гомонят, носятся взад-впе-

рѣд в море и обратно. В общем, заняты обычным пляжным делом. Он был светловолос, кажется, высок ростом, голубоглаз. В белой рубашке с закатанными рукавами. Причѣм одна рука на перевязи, в гипсе. Этим-то он и привлекал внимание. Как только появился, около него сразу же образовалась небольшая группка молодых людей и девушек. Помнится, с ним была одна очень интересная девица, с распущенными по тогдашней моде прямыми длинными волосами. Она подчѣркнута трогательно ухаживала за ним. Помогла снять рубашку, зажигала спичку, давая прикурить.

Одни говорили, что он студент театрального института. В нём действительно были определённая пластичность и выразительность. Другие же, наоборот, уверяли, что он учится на мехмате в университете, очень одарѣн и сейчас бьѣтся над одной из нерешѣнных проблем Гильберта.

Его хорошо знали на многих железных дорогах. Но особенно на южном направлении. Говорили, что начал он ещё в школе. Убегал из дома, садился в первый попавшийся поезд и ехал, пока не снимали. Возможно, какие-то нелады были в семье. Не знаю... Ручаться за достоверность этих сведений не могу. В студенческие годы он продолжал ездить без билета. Может быть, не было денег, а возможно, из форса, удалства. Хотя вроде бы был из очень обеспеченной военной семьи. Отец чуть ли не какой-то известный генерал. Ясно одно, это уже стало делом принципа. Да и легенда быстро гаснет, растворяется, если не получает необходимой пищи...

Трижды в год он отправлялся на юг. Первый раз – на майские праздники. Там в это время на небольшой срок собиралась обычно очень пёстрая публика. Тут и так называемые деловые люди со своими приятельницами, и представители богемы, и, конечно, нетерпеливая молодёжь, стайками облеплявшая прибрежные бары и кафе. Этот всплеск обычно длился дней десять и как-то сразу же резко затухал. Но люди успевали за это время совершить массу разных глупостей, о которых потом вспоминали с удовольствием или же со стыдом. Второй раз он появлялся на побережье в разгар сезона, в начале августа. Там уже обитала масса знакомых, друзей, приятелей. Вовсю вертелась обычная южная карусель. Третий раз он приезжал один, глубокой осенью. Мрачно бродил по берегу. Море штормило. Часами неподвижно наблюдал за игрой волн. Только ободранные пляжные грибы напоминали о летнем солнечном безумстве.

В тот раз он потащил с собой подружку. Это уже, безусловно, была наглость. Но он за неё жестоко и поплатился. Одно дело, когда ты один, свободный, с развязанными руками легко мчишься по вагонам. А другое, когда на тебе висит такой груз! Причём хорошо «зайцевать» в большой компании. Можно спокойно протащить и не одну, а трёх девиц с собой! А тут, как назло, какие-то дела не дали ехать вместе со стаей. Задержался дня на два, и это стоило ему переломанной руки и испорченного отдыха. Он допустил в самом начале несколько непростительных ошибок. Появил-

ся слишком рано на перроне, а всё чрезмерная самонадеянность и ощущение безнаказанности. Несмотря на хороший грим, его всё же узнали. Доложили вокзальному начальству. Ну, здесь уж было дело чести! Оно оперативно выделило двух самых опытных, самых лютых ревизоров. Это были матёрые стреляные волки. Профессионалы высшего класса. Они с остервенением, неумолимо гнали его по поезду. Он уходил, петлял, проявлял чудеса изобретательности. Два раза даже бежал по крышам вагонов, оставив свою попутчицу с каким-то южным человеком в вагоне-ресторане. Только в Харькове им удалось оторваться от преследователей. В самый последний момент, уже на ходу, они спрыгнули с поезда. Он оставил свой лучший вагонный ключ, заклинив им дверь. Через неё уже рвались ревизоры, предвкушая долгожданную победу. Именно этой проклятой дверью он и раздробил себе руку. В Харькове наложили гипс, и уже дальше довольно спокойно они доехали до Феодосии...

Что же всё-таки привлекало его во всём этом? Копеечная выгода? Не было денег на билет? Вряд ли... Тогда, может быть, удаливость, риск, азарт, погоня? Игра молодой крови? Возможно... Но думается, он уже не был сам себе хозяин. Началось с пустяка: поспорим, проеду? На пари! А кончилось игрой, из которой уже не выйдешь по своей воле.

Да, это было давно... Говорили, что со временем он всё же остепенился и стал даже какой-то важной птицей. Чуть ли не чиновником-референтом по особым вопросам в одном

крупном министерстве!

Но вот недавно мне пришлось прокатиться по служебным делам в Архангельск. Я вышел из купе покурить. И представьте, снова увидел его! Он опять мчался по поезду! Поседевший, почерневший лицом, всё в той же белой рубашке с закатанными рукавами, он нёсся по вагону! За ним, громко стуча подкованными башмаками, гнались ревизоры. Почему на север? Почему изменил своему маршруту? Мне хотелось побежать за ним, объяснить, рассказать, что всё знаю, понимаю и сам бы... Но дела, служба, семья... Его пустые глаза безразлично скользнули по моему лицу. И вся группа растворилась в конце коридора. Может, привиделось? Тем более мы с попутчиками уже немного приняли за знакомство...

– О-хо-хо! Чуть не проехал! – Мягко вскочил мужчина и со словами: – Если встретите, не прозевайте! Желая здравствовать! – выбежал из вагона.

Филимон обратил внимание, что он был в кроссовках. И это совершенно не вязалось с добротным костюмом и дорогим портфелем.

– Гражданин! Ваш билет! – с запоздалой догадкой крикнул ему вдогонку Филимон. Но только резко стукнули в ответ двери тамбура.

Дорожные страсти. Дома у Григория Ивановича

Несётся электричка. Стучат на стыках колёса... Дремлют осоловевшие от духоты пассажиры. Приткнулись детишки к своим мамашам. Без умолку трещат толстые и худые тётки, сообщая друг другу нескончаемые новости. Читает или бессмысленно смотрит в окна молодёжь. Шлёпают по доморощенным столам-портфелям картами тёртые мужики. Идёт своя вагонная жизнь. Слава богу, без пьяного хулиганства и непрошеного мата. Едет электричка. Постукивают на стыках колёса...

Вошёл в вагон плотный небритый мужчина, весьма лохматый. В расстёгнутой кургузой куртке, явно с чужого плеча. Обвёл всех мутным смурным взглядом, как бы говоря: «Ну? Кто желает?» А на груди вдобавок табличка: «Меняю быку на индыку».

«С похмелья. Чудит...» – определил Филимон. А девочки-птички рядом повернули дружно головки и прыснули разом в кулачок.

А тому мало. Постучал крупным ногтем по портсигару, выудил оттуда папироску, закурил. Эдакое хамство! В вагоне курить! Но молчат все. Кому охота связываться? Только бормочут себе тихо под нос. Филимон надвинул поглубже фуражку, прикрыл козырьком глаза. Засопел. Вроде как

спит. «Почему молчат железные дорожники? Безобразие! Они же при исполнении и молчат! Написать бы куда следует», – тихо шипит гражданка напротив, прикрывая лицо платком. «Может, он того? – раздумывает Филимон. – Тогда тем более не стоит связываться. Народ сразу смекнул... Конечно, если к женщинам начнёт приставать... Встану, будто выхожу, и левой неожиданно...» Мужик снова нагло всех оглядел и, брезгливо поморщившись, пошёл в другой вагон.

Никита Романович, увидев мужика, не поверил своим глазам. Уж не сон ли, не наваждение адское? Взглянул на окружающих и понял: нет, не сон, всё так и есть. Его охватило беспокойство непонимания, сразу сменившееся бешенством. Даже в глазах потемнело! Это же был вызов! Да-да, натуральный вызов! Но он быстро взял себя в руки. Встал и направился к мужичку.

– Вы, дорогой сэр, – вспомнив обращение одного шутника фрезеровщика, ласково начал Никита Романович, – зачем, позвольте спросить, курите? Или, может быть, вы не в курсе, что курить в вагоне нельзя? И вообще, что значит «быку на индыку»? Это уже совсем ни к чему. Абсолютно не надо. А? – и выжидающе замолчал.

Мужик удовлетворённо взирал на Никиту Романовича, выражая всем своим видом сожаление относительно его предстоящей участи.

– Слушай! Старичок! Ты что, ноги промочил? – наконец произнёс он миролюбиво.

Никита Романович открыл от изумления рот. В голове сначала мелькнуло: «Откуда про ноги знает? – И сразу же допёр: – Ах, вот ты как! Гад! Издеваться вздумал! Надо мной?!» И Никита Романович, крепко обхватив мужика, потащил его в тамбур. Тот, бывший значительно выше ростом и мощней, вначале опешил от такого напора. А затем несколько раз стукнул Никиту Романовича сверху по голове кулаком. Они выкатились в тамбур и стали тузить друг друга нещадно. Снова сцепились и в итоге упали.

За окном мелькали деревья, совершенно лишённые листы по причине никак не наступающей весны. Филимон и не подозревал, что Никита сейчас выясняет отношения с мужиком в тамбуре соседнего вагона. «Поразительно похожи крона и корни... Именно в осенне-зимний период... Надо бы поискать в природе ещё примеры подобной симметрии», – размышлял Филимон.

Старичок с большущими белыми усами в галифе с удовольствием наблюдал за поединком. Он исполнял замысловатый танец судьбы на ринге, приговаривая:

– Ну, петухи! Огонь, да и только! Давай! Давай! Я тоже такой был. В молодости! Кипяток! Чуть что не по мне, шашки наголо и айда! Ну, петухи!

Старик немного притомился, достал кيسет, свернул козью ножку, затащился, выдохнул. Погрузился тамбур в дым. Расцепились драчуны, закашлялись, замахали руками, стали вытирали слёзы.

– Ну ты, дед! И даёшь! Ёшкин кот! – проговорил мужик с табличкой.

– Это что ж, флотский? – поинтересовался Никита Романович.

– Нет, голубчики вы мои! Теперь такой не делают! Вместе с кавалерией отошёл в прошлое! – И профессионально выдержав паузу, добавил: – Конский! Не слыхали, небось? Эх, молодёжь!

Никита Романович с мужиком дружно заржали.

– Не дерзить, щенки! – довольно прикрикнул дед. – Айда! Выходить! – Подцепил неприятелей под руки и вытащил на перрон. – Мировую пить будем! Не возражать! Молоды ещё!

Никита Романович вяло замотал головой. Но старик был неумолим. Мужик же аккуратно отряхнул от пыли табличку, оторвавшуюся в пылу сражения, и снова приладил её на грудь. Он был согласен мириться. Познакомились. Нехотя пожали друг другу руки.

– Ты, Романыч, мужик горячий? Горячий! И Миша – мужик горячий! И я в молодости был такой. Ещё когда в коннице служил. Чуть что не по мне, ух, как взвивался! Ты посмотри на Мишу. Ну? Разве он плохой мужик? – И Григорий Иванович умилённо поглядывал то на Никиту Романовича, то на Михаила. – То-то и оно!

Дома у Григория Ивановича Миша табличку снял, пове-

сив её бережно на вешалку в прихожей. И сейчас сидел, расслабившись, лениво двигая вилкой по пустой тарелке.

– Да что ты в пустую тарелку-то тыкаешь, голова садовая! Положи себе огурчика, селёдочку возьми. Как следует закуси! Как положено по-нашему, по-русски, – опекал его хозяин.

– Теперь-то я вижу, к нему индивидуальный подход нужен. Парень-то он, видать, неплохой, – рассуждал степенно Никита Романович, снисходительно поглядывая на Михаила. Его тоже сильно разморило от выпитого и съеденного.

– Вот то-то и оно, мил человек! – вёл беседу Григорий Иванович. – И я в молодости любил почудить. Один раз пошли в конную разведку, а я своего Гнедка в зелёную краску покрасил. Для маскировки. Полосы ему такие на боках нарисовал. Ну, враг от такого, как говорится, и опешил!

– Ну и что? – невнятно поинтересовался Михаил.

– Выиграли драгоценные секунды! Вот что!

– Распетушился! Сиди уж! – осадил мужа, вошедшая почтенная Мария Дмитриевна. – Выпьет рюмку, а гонору на десятерых.

– Пытается уязвить моё мужское самолюбие, – объяснил с удовольствием Григорий Иванович. – А я на это нуль внимания! Баба она и есть баба. Одно слово – глупая кура! Не понимает. Сейчас дело какое? Бабы рвутся к власти. Любым путём! В газетах об этом всё время толкуют. Но никак не придумают, как их, понимаешь, осадить. Но это делают

одни только глупые бабы. Вроде моей. А умные-то понимают, что внешней показухи им не надо. Они на мужском самодовольстве сыграть могут. Мужик ведь, как индюк! Им только крути по-умному. Но у многих баб даже и до этого ума не хватает, – и сокрушённо закончил: – Не знаю прямо, что и делать? Не вижу выхода! Ты как, Романыч, думаешь на этот счёт?

Никита Романович не успел ответить на этот каверзный вопросик. Затренькал звонок-колокольчик в прихожей.

– Наверно, внучка моя, Райка, – высказал предположение Григорий Иванович, недовольно почёсывая белый хохолок.

И не ошибся. Усталая и безразличная вошла в гостиную Раиса. Закатное солнце странно изменило комнату. Белая скатерть стала казаться серой. Бутылка начала отливать чем-то мутным. Углы комнаты потерялись в неожиданно наступившей мгле. В возникшей паузе окружающее выглядело застывшим и пыльным. Хотелось взять тряпку и как следует всё протереть. Это и сделала по-своему почтенная старушка Мария Дмитриевна.

– Вы чего же это в темноте-то сидите? Вилку мимо рта пронесёте запросто, – сказала она добродушно и включила чешскую люстру, засиявшую искусственным хрусталём.

«Не отличишь от натурального, – отметил Никита Романович. Дома у него была такая же. – Единственно ценой».

Раиса, увидев сидящую за столом компанию, моментально оживилась, забыв про усталость.

– Добрый вечер, – промолвила она чинно и не торопясь, представилась: – Раиса.

В каком-то фильме был ну точь-в-точь такой же эпизод. И поведение героини ей тогда понравилось чрезвычайно.

Миша оживился и начал буравить её своими маленькими ехидными глазками. Немного привстав, он многозначительно произнёс:

– Очень! Очень рады! – и чуть склонив голову, добавил: – Михаил! А это Никита, – небрежно махнув рукой в сторону Никиты Романовича.

Того слегка передёрнуло от такой наглости. «Нет, надо было ему, мерзавцу, как следует врезать», – мелькнули запоздавшие сожаления. Раиса ему понравилась.

– Я вас покину на несколько минут, – жеманно произнесла Раиса и, взяв под руку Марию Дмитриевну, удалилась с ней на кухню.

– Зеер гут, – отреагировал Михаил и, сморщив лоб, продолжил: – Просто зеер гут! По-другому не скажешь! У жены сейчас неполадки в организме, – объяснил он и, ханжески вздохнув, закончил: – В общем, можно сказать, свободный сокол.

– У неё цилиндр не держит или, может, полуось полетела? – не вытерпел Никита Романович такого циничного отношения к женщине.

– Нет, уважаемый кузен! Опять вышла с вашей стороны ошибка! В деревне она лечится молоком... от ожире-

ния. Да и вообще, признаться, поднадоела-с мне кошмарно-с! Ещё есть вопросы?

– Вот ведь баламут! – вовремя вступил в разговор Григорий Иванович. – Кузен! Надо же такое удумать! – И с удовольствием повторил, хмыкнув: – Кузен! Ты лучше, Миш, сиди и закусывай. Закусывай, тебе говорят! А то сейчас опять сцепитесь. Райка, она баба такая, спуску не даст! Вы к ней лучше и не цепляйтесь.

Раиса быстренько привела себя в порядок на кухне. Последний раз взглянула в зеркальце. Осталась собой довольна и с лёгкой улыбкой вошла в комнату.

– Ишь, бесстыдница! – встретил её Григорий Иванович. – Глазищами так и играет. Грудь вперёд! Мол, разойдись! Я иду!

– Вы, дедуня, мне не указ! Я своё положенное отработала. Имею право на законный отдых, – парировала Раиса. – И не компрометируйте меня перед людьми! А то бог весть, что ещё подумают!

Она скромно присела на диван и стала листать принесённый журнал.

– А Колька где? – не унимался! Григорий Иванович. – Снова на улице болтается? Небось, за уроки и не сажился?

– И опять вы, дедуня, мимо. Николай накормлен, напоен и сейчас делает уроки. А потом зайдёт к вам на чашку чая, – отбивала все наскоки деда Раиса.

– Пожалуйста! На всё у неё готов ответ! Никак не пойму,

за что её можно зацепить, – удручённо констатировал Григорий Иванович.

– Позвольте, Раиса, задать вам вопрос. Что это за журнал вы сейчас читаете? – неожиданно выпалил Никита Романович, чуть не плюнув с досады на собственную неуклюжую витиеватость.

– Уважаемый кузен! Это журнал мод. Под названием «Бурда»! – не дав ответить Раисе, объяснил Михаил. – Выходит в Федеративной Республике Германии. Сокращённо ФРГ.

«Бурда? – изумился Никита Романович. – Издевается снова? Нет! Он меня точно доведёт сегодня!»

– Да, Никита! Миша прав, – мягко промолвила Раиса, уловив его замешательство. – Такое смешное название. Я сама первый раз хохотала до слёз!

«Нет, вы только подумайте! Никита! – забурчал про себя Григорий Иванович. – Нашла товарища!»

– Сегодня обсуждали на работе новый индийский фильм. «Танцор диско». Все очень хвалили! – продолжила Раиса.

«А что, если возьму и приглашу её в кино? Явно намекает... Некрасиво, конечно. Жена в доме отдыха, а я тут как тут... Хотя ничего такого в этом, вообще-то, и нет», – раздумывал-сомневался Никита Романович.

Михаил же повернул свой стул к Раисе и уже обращался только к ней:

– Признаться, я не поклонник индийского кино. Предпо-

читаю больше индийскую философию. Просматриваю иногда французские комедии, итальянские. Ну и, конечно, лучшие отечественные образцы. А в принципе неважно что, важно с кем!

«Ну и наглец! Позову-ка его в коридор... Покурить. Иначе лопнет терпение, точно лопнет!» – начал заводиться Никита Романович.

– Вы где работаете? – перевела разговор Раиса.

«Где же я работаю? Наверно, лучше всего шофером», – остановился Михаил на таком варианте.

– На «Зилке» баранку кручу. Развожу продукты по магазинам. Между прочим, шофер первого класса! – с достоинством пояснил он.

– Значит, в одной системе, – подтвердила Раиса его догадку.

«Эх! Была не была! Приглашу её в кино, и точка!» – решил наконец Никита Романович. Но зазвонил телефон.

– Алё! Алё! Слушаю! Слушаю! – заголосил в трубку Григорий Иванович.

– Ну всё! Заалёкал, – покритиковала слегка мужа Мария Дмитриевна.

– Чтой-то бубнят. Не пойму никак, – растерянно повернулся к публике Григорий Иванович. – Вроде как тебя, Романыч!

После недолгих: «Да-да, хорошо», Никита Романович церемонно извинился перед присутствующими и пояснил:

– Вызывают. Срочно. Надо ехать.

Улыбнулся смущённо Раисе:

– Мы с вами непременно ещё увидимся. Непременно!

Михаил беззвучно захихикал. Да и Григорий Иванович удивился последней фразе: «Надо же, и Романыч клюнул! И чем это она их так берёт?»

Проводив Никиту Романовича, он заявил:

– Государственный человек! Даже отдохнуть и то не дадут... Вот и я таким же был в молодости!

Раиса заинтересовалась Никитой чрезвычайно. Таинственный уход и вообще в её вкусе. Надо поковырять о нём у Михаила. Аккуратно. Но тот отвечал туманно, уклончиво и переводил разговор на себя. Делать становилось нечего, и Раиса засобиралась домой. Михаил выжался её проводить.

После того, как все ушли, Григорий Иванович вслух заявил:

– Не пойму я! Умная наша Райка или всё же нет? Наверно, всё же нет! А жаль! – И включил телевизор.

Никита Романович едет за границу

У подъезда уже ждала серая заводская «Волга».

– Что за спешка такая? – спросил Никита Романович скорее себя, чем шофера. Тот неопределённо пожал плечами и резко взял с места.

Никита Романович быстро шёл по пустынным коридорам заводууправления. В приёмной, несмотря на поздний час, ожидали несколько человек.

– Проходите, Никита Романович! Сергей Иванович уже спрашивал про вас, – произнесла секретарша.

Никита Романович толкнул дверь кабинета.

– Ну, здравствуй! Здравствуй, Никита Романович! – поднялся навстречу Полищук. Коротко, мужественно пожал руку. А то будут трясти или того хуже, просто помажут потной ладонью. – Извини! Можно сказать, с постели поднял.

– Да нет! Не с постели! С приятелями отдыхали, – возразил Никита Романович.

– Понятно, понятно! Это я так, образно. Тут вот какое дело. Мы с товарищами подумали и решили включить тебя в состав зарубежной делегации. Ты как на это смотришь? Будешь полномочным представителем нашего завода. Об ответственности говорить тебе не буду. Сам понимаешь! Мужик ты грамотный. Справишься! Ознакомишься с иностранными достижениями в нашей области. Приедешь, лекцию

нам прочитаешь. Так что давай! С богом! Да, ещё Петрухин поедет. Ему не впервой. Да и веселей вдвоём. Ну всё! Задерживать не буду. Времени у тебя в обрез. Собирайся, оформляй документы. Отъезд через три дня. Если что, прямо ко мне! Всё!

Снова крепкое рукопожатие, и Никита Романович очутился на улице. Немного обескураженный. «В чём ехать? Придётся, пожалуй, в чёрном костюме. А жаль. Ещё не дай бог, истреплется в дороге, – подумал озабоченно. – Ну их к чёрту с этой поездкой! Суета одна. И в цеху дел невпроворот». Решил, что надо предупредить супругу. Придётся завтра ехать.

До Звенигорода, где отдыхала Полина Григорьевна, добрался быстро. А там по дурусти пошёл не в ту сторону. Снег почернел, но таять не хотел. В ботинки набилось порядочно. «Как бы не заболеть! Вот будет фокус!» – мелькнули опасения. Наконец Никита Романович набрёл на какой-то деревянный забор. Пошёл вдоль него и увидел калиточку, а над ней надпись углем: «Пансионат Академии На...» Последние буквы потекли. «Н-да, солидная вывеска! Ничего не скажешь! – изумился Никита Романович. – Не зря Полинке дали сюда. Дыра дырой! Наш профилакторий по сравнению с этим заведением просто дворец!» Протиснулся с трудом внутрь и отметил, что следов маловато. Странно. Внутри, правда, было поприличнее. Всё убрано, ухожено. Слонялись по дорожкам люди. «Может, для маскировки?» – мельк-

нула дурацкая мысль.

На одной из аллей увидел супругу в ярком спортивном костюме общества «Динамо». Шла под руку с женщиной средних лет. Тот нёс две пары лыж. «Уже весна на носу. А им всё нипочём! – неприятно поразился Никита Романович. – Ещё насчёт Раечки сомневался! Осёл эдакий!»

Полина Григорьевна, увидев мужа, страшно удивилась. Но смущения не выказала, а только сильно закричала изда-лека:

– Кит! Что случилось?

– Ничего! Успокойся! – ответил он как можно доброжелательнее, но не удержался от подковырки: – Ты что, член общества «Динамо» теперь?

Полина Григорьевна не обратила внимания на эту бес-тактность и поинтересовалась:

– Почему ты с заднего хода? И весь так извоzilся? – И, подставив щеку для поцелуя, продолжила: – Познакомь-ся, Кит! Это Евгений Юльевич, доцент! Он такой любез-ный. Сопровождает меня на лыжных прогулках. А это Кит! Мой муж.

– Очень приятно! – сразу же откликнулся Турникевич. – Таким я вас себе и представлял.

«Интересно! Каким это таким?» – нахмурился Никита Ро-манович и едко произнёс в ответ:

– Я смотрю, тут много профессоров из магазинов!

– Ну, Кит! Как тебе не стыдно! Честное слово! – уко-

ризенно защebetала Полина Григорьевна. – Евгений Юльевич бог знает что подумает!

– Нет, я не из магазина, – засмеялся довольно Турникевич. – Хотя подмечено верно... Я попрошу меня извинить, обещал партию в бильярд одному членкору... из универсама. Надеюсь, ещё увидимся, – и затрусил грациозно по аллее.

– Ты совершенно невыносим, Кит! Что за глупая ревность? Я же вижу! И напрасно нападаешь на Евгения Юльевича. Это милейший, образованнейший человек! Знает два языка. И где он только не был! – защebetала Полина Григорьевна.

Никита Романович отметил, что Поля стала как-то совершенно иначе выражаться.

– Я уезжаю послезавтра... в Швецию, – по-прежнему сухо объяснил он цель своего визита.

– В Швецию?! – чуть не рухнула от изумления Полина Григорьевна. – Это как же так? В Швецию? Ты шутишь, Кит?

– А вот так! – уже с долей торжества ответил Никита Романович. И в двух словах объяснил суть дела.

– Могут ещё отказать, – боясь сглазить, произнесла Полина Григорьевна. – А меня почему не записал?

– Ты понимаешь, что говоришь? Это же служебная поездка!

– Ну и что?

– Ничего!

– А вдруг всё-таки откажут? Ну или заменят кем-нибудь.

Так бывает.

– Нет, верняк! – Никиту Романовича стал утомлять этот бестолковый разговор.

– Ведь тебя же надо собрать, – вслух засомневалась Полина Григорьевна. – А мне ещё неделю здесь... Ладно! Я тебе всё напишу. Только не вздумай ехать в чёрном костюме! Наденешь серый в полоску. Он ещё ничего. – И уже твёрдо закончила: – А мне привезёшь тонкое кожаное пальто с ламой. Это там копейки. Я тебе покажу! Тут у одной есть!

– Вряд ли хватит денег. Да и вообще! Будет у меня время по магазинам бегать, – возразил Никита Романович. Он хотел привезти кое-что из инструмента для домашних поделок.

– Найдёшь время! Выбрать для единственной жены пальто! – неумолимо отрезала Полина Григорьевна.

Обсудили, кто присмотрит за Валеркой. Возраст-то опасный. Может и накуролесить. Только дай волю!

– Попрошу Ферापонта! Он не откажет, – решил Никита Романович.

– Уж твой Ферапонт присмотрит! – съязвила Полина Григорьевна.

– А что? И присмотрит! – обиделся за друга Никита Романович.

Постепенно разговор вошёл в нормальное русло. Становилось холодновато, и они направились в помещение.

Совершенно неправдоподобная мебельная история

Отъезд решено было отметить в ресторане. Тот находился неподалёку. Современное низкорослое зданьице. В ряду таких же. Под общим названием «Торговый центр». Ведь не каждый же день человека в загран посылают! Такое событие! Посильнее дня рождения будет!

Ферапонт по этому случаю приоделся. И выглядел даже торжественнее, чем сам Никита Романович. От обоих крепко пахло лосьоном. «Как на свадьбу!» – удовлетворённо подумал Ферапонт.

– Слушай! А давай в центр двинем? – предложил он. – Посолидней будет!

– Пока туда доберёмся, как раз закроют! – здраво рассудил Никита Романович.

– А ты, Ника, так и поезжай! Только к чёрному костюму надо бы чёрный галстук... Ух и закрутишь ты там с бабами! – любовался другом Ферапонт.

– Да ладно тебе, – оборвал его Никита Романович.

– А что? И закрутишь! – не унимался Ферапонт. – Уж я бы там дал шороху! Точно тебе говорю!

Никита Романович вспомнил про жену. Там на аллее. С доцентом. «Какая-то странная она была... Не такая, как всегда... Суетливая», – наконец определил он. И что-то

неприятно кольнуло внутри. Пересилил себя, отмахнулся от глупых подозрений и решил: «Приеду, обязательно с Раисой встречусь!» Это его сильно ободрило.

– Бабы, Поня, не вопрос! – лихо сказал он, удивив этим Ферапонта, который отчего-то почувствовал лёгкое беспокойство.

– Давай! Пошли! А то прокопаемся, могут и закрыть! – заторопился Никита Романович.

Пошли дворами. К вечеру приятно подморозило. Запорхал мелкий снежок.

– Прямо снова зима! – приподнято произнёс Ферапонт.

Вытопанная дорожка вела вдоль деревянного забора. Из-за него доносился шум. «Странно... Что за сборище в такой час?» – подумал Никита Романович.

– Чего бы им там делать? – высказал недоумение Ферапонт. – Ну да бог с ними! Нам не по пути. Нам в ресторан! – добавил, видя, что Никиту Романовича снедает любопытство и задержки не избежать.

– На минуту заскочим? А? – И, не дожидаясь ответа, Никита Романович пролез в дыру в заборе.

Ферапонт, досадливо махнув рукой, пробрался следом.

В большом дворе находилось много народа. Мужчины, женщины, некоторые с детьми.

– Чего ждём, товарищи? – негромко, но отчётливо спросил Никита Романович.

– Мебель ждём, Никита Романович, – ответила одна бой-

кая бабёнка. – Целый год отмечаемся. В любой момент могут выбросить! Теперь дежури́м каждую ночь. Боимся пропустить!

– Да вот незадача, Никита Романович! – вступил в разговор какой-то дохлый мужичонка. – Сани вмёрзли!

– Какие сани? – С подозрением посмотрел на него Никита Романович: «Уж не спятил ли?»

– На которых мебель вывозят! Боимся, вдруг начнут давать, а саночки и того. Ну и сорвётся! Волнуемся, страшно сказать как!

– Где они? – отвечивал Никита Романович. – Поможем, Ферапонт? А?

– Отчего же людям не помочь? – без особого энтузиазма поддержал Ферапонт. С рестораном дело явно накрывалось.

Они подошли к большим, основательно примёрзшим саням в углу двора. Впряглись в широкую лямку. Сзади в сани упёрлись двое мужиков покрепче. Напряглись изо всех сил!

– Никита Романович! Фери! Давай! – подбадривали окружающие.

Что-то хрустнуло, кто-то крикнул. Испуганно закричали женщины. Сани оторвались, и друзья сделали в пыли ещё пару кругов по двору.

Постояли, покурили, остыли малость.

– Слушай, Понь! Людям помочь надо! Пойдём с директором потолкуем. Может, не ушёл ещё?

«Вообще-то, вряд ли хоть одна душа в магазине... Но уж

для очистки совести!» – подумал Никита Романович.

– А ежели чего! Пусти ему, подлецу, кровя, Никита Романович! – завопил мужичонка в каракулевой шапке. – А уж мы за тебя постоим!

Люди одобрительно загудели.

– Не подначивай! – остановил его Ферапонт. – Ещё только в милицию попасть из-за вас не хватало!

Никита Романович и Ферапонт скрылись в боковом проходе двора и поднялись по заледенелым ступенькам к здоровенной обитой железом двери. «Да там ни одной живой души нет. Почти уж ночь на дворе...» – подумал Никита Романович и застучал сильно в дверь. Та сразу же открылась, будто только того и ждали.

– Я бы хотел видеть директора! – обратился Никита Романович к продавцу, отворившему дверь.

– Пожалуйста, проходите! Я вас проведу, – вежливо ответил продавец.

Никита Романович, проходя по магазину, всё больше и больше изумлялся. Везде свет. Продавцы в фирменных халатах. Будто и не ночь вовсе.

Директор восседал за огромным столом, обойти который, казалось, нет никакой возможности.

– Вы чего хотите, товарищи? – спокойно спросил их директор.

– Видите, какое дело, – начал Никита Романович. – Люди ждут мебель. Целый год отмечались! Вот и сейчас собрались

во дворе. Многие с детьми! Холодно. Не надо бы доводить людей до крайности!

– В данный момент мы мебель продать не можем, – объяснил директор. – Сейчас не конец квартала, ни тем более года. Дефицит даём, как правило, в это время. Для плана. Вы должны это понимать, товарищи!

«Ваньку валяет!» – начал закипать Никита Романович, и какой-то туман стал возникать у него перед глазами.

– Ты что ж! Год, квартал! Издеваться, па-адлец, вздумал! Да-а?! – заорал он и бросил с размаху на пол шапку. Стал топтать её ногами и срывать с себя пальто. – Не-ет! Надо пустить тебе кровя! Не хотел! Видит бог, не хотел! – Он огляделся в поисках Ферапонта.

Тот испуганно выглянул из-за его спины и выпалил, тараща глаза:

– Ты что? А? Не признал? Это ж сам Никита Романович!

Директор по-прежнему невозмутимо поднялся из-за стола и ласково, но с упрёком произнёс:

– Почему же сразу не сказали, что вы Никита Романович? – и повелительно крикнул вглубь коридора: – Стакан воды! Быстро! Никите Романычу плохо!

– Никите Романычу не плохо, – ворчливо ответил тот успокаиваясь.

– Можете пройти на склад и убедиться! Положение крайне плачевное. Крайне! Думаете, я не хочу порадовать людей? Очень даже хочу! Очень! – слегка обиделся директор.

Прошли на склад.

– Вот видите, – продолжал директор. – Немного импорта, но весь с браком! Ну и наш отечественный. Тоже с браком.

Никита Романович, внутренне недоумевая, смотрел на импорт: «И за эдакой хреновиной целый год стоять? Обилие вытертым каким-то плюшем, да вдобавок ещё и громоздкое! А наш и вовсе будто уже неоднократно б/у, сильно поношенный».

– Думаю так, – предложил после небольшой паузы Никита Романович. – Надо дать импорт вперемежку с нашим. Будут брать!

– Хорошо. Но под вашу ответственность! – согласился директор.

Друзья вышли во двор. Снежок прекратился. Высоко в тёмном поднебесье мерцали звёзды. Начали давать мебель. Две крепкие бабёнки в дублёнках схватили по огромному креслу, а ихний мужичок, покрякав звонко, взвалил на себя диван с отломанными ножками. На санях вывезли ещё несколько диванов. В основном суетились женщины. Они ощупывали плюш, дёргали за края подушки, проверяя их на прочность.

Вдруг один мужик, как бы опомнившись, закричал на весь двор:

– Эй вы, неблагодарные! А про Никиту Романовича и забыли сразу! Без него бы нам шиш с маслом! Это чепуха, что без ножек или спинка сломана. Это можно и самому нала-

дить! А пусть и он себе диван возьмёт! – И мужик с восторженной благодарностью посмотрел на Никиту Романовича.

– Правильно удумал! Бери, какой приглянется! – доносились возгласы.

«На кой чёрт мне диван?» – испугался Никита Романович.

– Что делать, Поня? А?

– Придётся брать. Решили отблагодарить! Отказать нельзя. Обидятся! – рассудил Ферапонт.

– Я на складе цену прочитал. Сто двадцать такая дура стоит! У меня только шестьдесят с собой.

– И у меня пятнадцать.

– Нда, история... А собирались в ресторан. Погудеть, – с горечью заметил Никита Романович.

– Попраздновали, называется! И чёрт нас дёрнул на этот поганый двор заходить!

– Ладно, пойду с директором договорюсь. Остальное потом занесу.

Во дворе шла оживлённая торговля.

Через некоторое время Никита Романович и Ферапонт понуро тащили диван с одной отломанной ножкой, сопровождаемые небольшой кучкой почитателей, заметно редевшей по дороге.

– Жена подумает, что я того, – высказал опасение Никита Романович. – А может, ещё рванём в ресторан? А? Ферапош?

– Если только с этой бандурой? – саркастически усмех-

нулся Ферапонт. – Да нет уж! Не успеть. Да и настроение не то. Теперь уж приезд твой отмечать будем.

Уже у самого дома они встретили Биолога. Тот, покачиваясь, тащил на спине огромное бревно, с трудом перебирая кривыми ногами и приговаривая: «Уж теперь-то не побегают!»

– Ты чего? – поинтересовался Ферапонт.

– Чтоб не бродили, – натужно объяснил Биолог, сбрасывая бревно на землю и устанавливая его поперёк дорожки.

– На помойке нашли? – брезгливо кивнул он в сторону дивана. – Так и знал, что этим кончите! Лучше бы делом занялись! Перегородили бы дорогу перед своим подъездом. Чтоб не шлялся народ туда-сюда!

Биолог проживал на первом этаже и издавна боролся с проходящим мимо его окон людом. Сражался он беспощадно. Зимой обливал тропинку водой. Люди падали, крепко ругались и всё равно шли кратчайшим путём от автобусной остановки. Биолог бросал куски колючей проволоки. Люди ещё крепче ругались и снова шли. Теперь он решил устроить завал из брёвен.

Никита Романович и раньше встречал Биолога. Тот с красной рожей постоянно озеленял территорию вокруг дома. «Вот хоть и пьёт, но приносит пользу», – не без одобрения всякий раз думал Никита Романович. Они не были знакомы, хотя жили в одном доме. Однажды Биолог остановил Никиту Романовича на улице, когда тот возвращался до-

мой после работы.

– Слушай! У тебя тараканы есть? – не здороваясь, обратился он с напором.

– Есть, – помедлив, настороженно ответил Никита Романович. Ему не понравилось, что тот сразу стал тыкать.

– Вот то-то и оно, – назидательно, будто уличая Никиту Романовича в крайне постыдном деле, констатировал краснорожий. – Я завёл пауков, понимаешь? Они переловили всех тараканов! Не буду тебе объяснять, как! Догадаешься сам! Натянули паутину – и дело в шляпе! Но теперь нет житья от пауков! – И он выжидающе уставился на Никиту Романовича.

Тот почувствовал себя неловко и уже собирался что-то сказать в ответ, как Биолог неожиданно продолжил:

– Ни хрена ты не понял! Хочу привезти из леса рыжих муравьёв. Уж они-то наверняка осият пауков! Но ведь потом и от них житья не будет! Ты как думаешь?

– Никак! – отрезал Никита Романович и повернул в свой подъезд,

– А-а, – с сожалением бросил Биолог, как бы подтверждая для себя бестолковость соседа, о которой он и раньше подозревал.

Сильно озадачил тогда он Никиту Романовича: «Рожа красная... Щёки толстые... Вмятина на лбу... Тараканы... Пауки... Коротышка ненормальный! А туда же... Биолог хренов!», – наконец разобрался он в своих ощущениях...

Никита Романович с Ферапонтом молча протащили свою ношу мимо Биолога.

– Откуда у него такая вмятина? – поинтересовался Никита Романович.

– Да хулиганы его как-то. Шумели под окнами. Он их гнать. Они его матом. Он прямо в исподнем на улицу. Под мухой вдобавок. А они решётку сняли перед подъездом. Ну, он туда и рухнул. Выскочил, а они ему ещё палкой по башке! Сделали вмятину. Отлежался. Долго потом бегал, разыскивал. «Убью, – говорит, – гадов!» Но не нашёл никого.

– Да, история ничего себе, – задумчиво произнёс Никита Романович, представляя, как бы он сам носился за хулиганами в такой ситуации.

Дошли до своего подъезда. Поставили диван.

– Ну чего? Закурим? – предложил Ферапонт.

Дружно задымили. «Луна, фонарики горят... Прелесть», – расслабился Никита Романович.

– Вот брошу выпивать и тоже за границу махну, – неожиданно проговорил Ферапонт.

Жена его, давно уже наблюдавшая в форточку всю эту идиллию, не выдержала. Открыла окно и, высунувшись наполовину, резонно возразила:

– Сиди уж здесь! Ну кому ты там, спрашивается, нужен? Ещё осрамишься где-нибудь ненароком.

– Да ладно тебе! Тут как тут, – раздражённо отозвался Ферапонт и, уже обращаясь к Никите Романовичу, добавил: –

Пойду. А то видишь? – кивнул в сторону окна. – Кукушка! В общем, успехов тебе! Не задерживайся там особенно. Ну, пока!

– Будь здоров! – хлопнул его по плечу Никита Романович, а сам подумал: «Заел Ферапонта быт, заел... Да... Печально, но факт!»

На следующий день Никита Романович позвонил Филимону из аэропорта.

– Филь! О Швеции что знаешь?

– Отличные лыжники и конькобежцы. Неплохая хоккейная дружина. Что же ещё? Да, очень сильный порнограф! Кажется, хорошая сталь.

– Порнограф?

– Что удивляешься? Порнография мощнейшая! Не сомневайся!

– Чего привезти-то тебе?

– Если сможешь протащить, то журналчик. На твой вкус.

– Не обещаю. Но постараюсь.

Не ожидал подобного легкомыслия Никита Романович. А с другой стороны, что? Холостяк. Дело молодое. Хотя, конечно, баловство изрядное.

В самолёте Никита Романович огляделся. Мужики все были в джинсах, кожаных пиджаках и галстуках.

– Ты что вырядился, как на похороны? Первый раз в загран? – поинтересовался Петрухин.

Никиту Романовича аж в жар бросило: «Надо же, какую промашку дал! Говорила ведь Полина! Предупреждала! Эти-то тёртые калачи...» Но вида не подал. А тотчас пресёк насмешки:

– Посерьёзней, товарищ Петрухин! Посерьёзней!

А то стоит один раз спустить, моментально на шею сядут. Знает он этих балаболов!

В Стокгольме реклама, суета и дождь. В общем, своя жизнь. А у них встречи со стальными воротилами. На одном приёме какой-то магнат в частной беседе заметил:

– У вас костюм по самой последней моде! Не из Парижа ли он?

– Это шутка? – спросил строго Никита Романович девушку-переводчицу.

– Ну что вы! – удивилась та. – Разве над этим шутят? Здесь так не принято. Для мистера Лориксона главное – бизнес!

«Ну-ну», – удовлетворённо подумал Никита Романович и продолжил загранкомандировку.

Клава

«Эх, сердечко ты моё бедное! Как разогналось... – прижала руку к груди. – Это ж надо! К мужику на квартиру иду! Просто спятила, да и всё!» Клава достала из кармана пальто бумажку и ещё раз прочитала адрес. «Зря отказалась. Зря! Встретил бы у метро. Поговорили, может, в кино сходили и разошлись бы по-хорошему... Ох, не к добру! Чует сердце, не к добру всё это! Может, назад повернуть? И ну её, эту любовь к чертям!» Это она так, будто есть ещё выбор. А на самом-то деле никуда уж не повернуть. И всякие там доводы, осторожность ничуть не помогут. Уж больно мощная сила, которая её несёт!

Обычно хорошего, здорового цвета лицо её сейчас было бледно. Глаза блестели. Откуда-то изнутри поднималась противная дрожь, которую она с трудом сдерживала. «Эх, Пашка! – подумала с отчаянием, и сразу же отсекая жалость: – Ну и чёрт с тобой! Катай свои пельмени хоть сто лет!» Разжала потный кулак и ещё раз взглянула на записку: «Ишь, и план начертил! – мелькнуло с неприязнью к Филимону: – Предусмотрительный! Как мучиться меня заставляет, паразит!» Чуть не заплакала.

Вышла на бульвар, купила мороженое. Стала есть, не чувствуя вкуса. Встречные обращали на неё внимание, особенно мужчины. Но она ничего не замечала. Была как в тумане.

Только глаз иногда выхватит что-нибудь спереди или сбоку: качели, ребёнок... скамейка, дед с газетой...

В этом месте в центре она не бывала. Старенькие особнячки чередовались с новыми шикарными многоэтажками. «Народу-то негусто, – отметила машинально. – Не то что у нас, в Нагатине... Жила бы себе в Иркутске. Нет, в Москву потянуло... Всё из-за Пашки! Ну и пеняй на себя!.. Всё глупости какие-то в голову лезут, – подумала, слегка успокаиваясь. – Прямо как малолетка разволновалась. Будто первый раз...» Стало немного смешно. Вспомнила последнюю встречу. Она всё и решила. А до этого так, сплошные недомолвки да намёки. Хотя решено-то всё было, наверно, в первый раз, как увидела его. Судьба? Почудилась ей в этом слове какая-то грусть и безнадежность...

Они столкнулись в дверях центрального здания. Дурацкие такие двери! Неловко как-то прижала его грудью. А он вдруг за руку её схватил и выпалил: «Давайте завтра! Встретимся!» И она тихо выдохнула: «Да...» Хорошо, никто не видел, а то позор был бы полный. И без всякой этой дурацкой чепухи, без разных подкатываний. Как настоящий мужик проявил себя. А может, опытный ловелас? Заранее знал, что не откажусь? И ей стало неприятно от этой мысли. А всё равно теперь... как в омут. Потом отошли в сторонку. И будто разговор уже по делу какой пошёл. Так ей казалось. Он и план нарисовал. И как-то само собой получилось, что она к нему домой. Вот только не согласилась, чтоб встретил. Ка-

залось, непременно увидит кто-нибудь из своих, и уж тогда начнут чесать языками.

Она свернула ещё в один переулок. Вроде этот? Да, точно! Дом оказался старым, обшарпанным. Возможно, до революции построили. Какие-то карнизики над окнами, завитушки. Сейчас времени нет на всякие украшения! Если такие финтифлюшки разводить, сколько ж человеко-дней потребуется? Мужик в белой майке уставился на неё из окна. Хотела отругать его как следует, дурака! Делать нечего, вот и пялится. Глаза залил с утра!.. Возможно, в ночную идёт. Ладно, пусть отдыхает, коль заняться нечем.

Шагнула на первую широкую ступень, всю исхоженную, вытопанную, так что ямка образовалась, и остановилась. «А может, действительно к чертям! Повернуться и домой? Или в кино на какую-нибудь комедию, отдохнуть по-человечески и уже потом домой. То-то Пашка обрадуется. Скажу, сняли с ночной или ещё что-нибудь... Наверно, к телевизору прилип. Хоккей или «Вокруг смеха»... Представила его слегка покатые плечи, голубые глаза с прищуром. Бреется всегда гладко-гладко. Настоящий мужик, не то что этот. Он бы этого одним пальцем... А может, и нет! Интересно, изменял он мне? Все какие-то глупости в голову лезут. А ручки – прямо ледышки! Поднялась к лифту ещё по нескольким ступеням. «Как Анна Каренина!» – попыталась усмехнуться и отметила, что пахнет в подъезде чем-то старым, кислым... и кошками. Чуть не вырвало. Вспомнила древний диван с ва-

ликами. В иркутской квартире стоял. На нём ещё дед спал. Рюмку выпьет, свернётся калачиком и давай храпеть...

Поднялась на четвёртый этаж, увидела высокую двухстворчатую дверь, крашенную коричневой масляной краской. Старый фанерный ящик для газет с круглыми дырками. Хотя внизу были металлические, точно были у лифта. И современная кнопка звонка, совсем как у них. Взглянула на беленький блестящий номерок на самом верху над дверью. С числом шестнадцать.

Сверилась ещё раз с бумажкой-адресом и приложила палец с ярко-красным наманикюренным ногтем к кнопочке. Замерла на секунду и решительно надавила. Раздалось за дверью неприятное дзиньканье. Остановилось сердце. Вдруг кто из соседей? Ой, срам-то какой будет! Послышались за дверью быстрые лёгкие шаги. Хотела спрятаться за выступ стены, но не успела.

– Я буквально на минуточку! – Ни здравствуй, ни прощай! Оторвалась фраза от её ярких полных губ, но до ушей Филимона не дошла.

Кивнул машинально:

– Конечно. Проходи. – Схватил за руку и втащил в прихожую. – Раздевайся! Я чего-то разволновался... Прямо-таки ужасно! – признался он.

– И я, – созналась Клава и сразу успокоилась.

Он провёл её в комнату.

– Ну и потолки! – удивилась она. – Метров пять?

– Да, старый домик. Наверно, снесут скоро, – добавил он.

На стенах висели картины вперемежку с пёстрыми плакатами. Посреди застыл письменный стол на фигурных резных ножках с пишущей машинкой. Сбоку у стены притулился складной велосипед.

– Давай выпьем для разрядки, – предложил Филимон. – Ты против коньяка не возражаешь? – И, не дожидаясь ответа, разлил его в пузатые рюмки, которые поглотили заодно и свет от лампы.

– За непредсказуемое, что в нас есть, – провозгласил он, чуть не подавившись от такой пошлости. И проглотил залпом коньяк.

Клава церемонно отпила небольшой глоточек, произнесла жеманно:

– Хороший коньяк! – Взяла осторожно конфету и, вдруг махнув рукой: – Чего уж тут разводить церемонии? – допила оставшееся содержимое бокала. И глубоко вздохнув, добавила: – Мне кажется, я немного не в себе! Нет, правда!

– И вовсе вы, гражданка, преувеличиваете, – засмеялся в ответ Филимон.

– Ты только не перебивай! Ну, сам подумай! Сорокалетняя баба замужняя притащилась домой к юному, можно сказать, мальчику! И знаю-то тебя без году неделя!

– Вот и хорошо! Что без году неделя. А то тоска одна и томленье духа! И вообще, поменьше ненужных комплексов. Кто да что! К тому же мне тридцать два. Ну что, отлегло

немного? – решил успокоить её Филимон. – Просто юный вид. И больше ничего!

А Клаве уже ничего не надо, а только бы уйти побыстрей. Исчезло наваждение, испарилось. А ведь не отпускало ни на минуту! «Видимо, перехотела, – чуть не захохотала она и отметила: – Аккуратный, – равнодушно глядя, как стажёр наполняет рюмки.

– Есть уникальные творения природы. Так вот, вы, гражданка, из их числа. С чем вас и поздравляем! – начал Филимон. – Давайте-ка мы с вами выпьем за те самые сны, которые иногда сбываются. А?

«Она ни фига не понимает... Жаль. Главное – запомнить ощущения... Или надо по-другому? Расчёт, хитрость... Я бы мог элементарно её обмануть, но мне это не нужно...» – мелькало в голове Филимона.

И вдруг нетерпение из глаз стажёра передалось Клаве. Хлынула горячая волна. Он взял её ладонь, поднёс к губам. Осторожно, боясь спугнуть, поцеловал. Она отняла руку и стала расстёгивать блузку, обшитую кружевцами.

– Разрешите я, – прошептал стажёр. – Это обряд...

Она встала, подошла к зеркалу. «Ну и бесстыдница! – укоризненно покачала головой, вздохнула и озорно подмигнула своему отражению. – Настоящая паразитка... Боже, как же хорошо было... Раньше, пожалуй, и не бывало так... А может, кажется, что не бывало...»

– Майоль бы рухнул, увидев тебя, – произнёс скорее

по инерции Филимон.

– Кто?

– Один весьма известный француз, скульптор. Лепил обнажённых женщин.

– Ну, французы до баб большие охотники! – с лукавой важностью проговорила Клава. – Это у них в крови! Нашим до них далеко. А нам, бабам, нравится... Когда мы нравимся и когда нас признают... Хоть так... А может, именно так? А? – добавила задумчиво уже для себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.